

Op63.374
A86
A-382588

Константин
Артемьев

ДУТОВ

Тайна
гибели
атамана

а-382588

Ор 63.371
А86
Ор 63.371.2
63.3(2)6-8
+ Ор 20

КОНСТАНТИН
АРТЕМЬЕВ

ДУТОВ

ТАЙНА ГИБЕЛИ АТАМАНА

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ОРЕНБУРГСКОЕ
книжное издательство
им. Г.П. ДОНКОВИЧА
2020

✓

От автора

ПРАВДА, ПОЛУПРАВДА, ИСТОРИЯ...

Я не историк. И изучая в 80-х годах прошлого века в разных вузах историю КПСС и марксистско-ленинскую философию, уяснил для себя, что в течение одного текущего столетия эта наука, как правило, выражает субъективный взгляд победителя. То есть точку зрения тех, кто стоит у власти. Это потом она начинает переосмысляться уже ни в чём не заинтересованными потомками. И в результате лет через двести-триста, наконец, можно понять, как же в действительности происходили события. Например, во время войн и революций.

О том, когда и как в Оренбуржье реально началась гражданская война, я узнал от старой казачки из Нижней Павловки. Старушке тогда уже было под девяносто. Она, 1914 года рождения, прекрасно запомнила, как горела её деревня.

— Ну, как же, помню революцию, — кивала головой бабушка Лёса. — Весной восемнадцатого...

— Наверное, осенью семнадцатого? — осторожно поправил я.

— Ну, у вас в городе, может, и осенью, — обиделась старушка. А у нас в Павловке весной. Мне тогда в июне четыре года сравнялось, а в апреле они наш дом-то и сожгли.

— Кто они?

— Да красные, кто ж ещё-то. Свои б не стали жечь. А эти шли по дороге и по пути в окна бомбы бросали зажигательные.

— Зачем?

— А я знаю? Мы ж казаки, а они — из города. У них пушки, пулемёты. Отец нас спрятал, а сам дом потушить не смог. Из бочки воду ведром носил. Разве так потушишь... Вот и остался от хозяйства только хлев да конь под седлом. Он мать с нами отвёз в землянку на бахчи, мы там летом жили. А сам на коня, да — к Дутову. А у кого не пожгли дома, те и в красные тоже подались, и в белые. Кто — куда. Отец сгинул где-то в тифозном бараке. Потом однополчанин вернулся, к нам приходил, рассказывал матери.

Поначалу история сгоревшей Нижней Павловки показалась мне полным абсурдом. Для чего красным понадобилось ни с того ни с сего забрасывать стоящие здесь у дороги казачьи дома зажигательными бомбами?

Однако, наведя справки, я узнал о красных превентивных ударах по казачьим станицам, про-

ведённых в апреле 1918-го после гибели отряда губернского комиссара Цвиллинга и казачьего налёта на Оренбург. В том числе и по Нижней Павловке. В рамках, как бы, актов возмездия.

Но Цвиллинг-то погиб в станице Изобильной. Комиссаров и матросов в Оренбурге резали форштадтские и нежинские казаки. При чём тут тихая и спокойная Нижняя Павловка? Её-то за что жечь?.. Чтоб другим неповадно было?

Вот ведь как, оказывается, начинаются все гражданские войны. Не из-за борьбы идеологий и не из-за высоких материй, а из-за одного сожжённого дома. А нас учили...

Не буду утверждать, что все советские историки обманывали нас. В восьмидесятые годы прошлого века нас учили, скорее, полуправде. Преподавание истории КПСС обычно ограничивалось рассказами о «белом терроре» и его «красных жертвах».

Ещё в детстве меня потрясла мемориальная доска на невзрачном доме по улице Ленинской. Она была посвящена семьям красноармейцев, порубленных белоказаками 4 апреля 1918 года. Кто-то из взрослых рассказывал мне, школьнику, как давным-давно видел в нашем краеведческом музее страшную картину, написанную художником Паниным. На ней изображалась та рубка женщин и детей. Сколько же их тогда погибло: десяток, два, три?

Однако в книге воспоминаний участников гражданской войны в Оренбуржье, изданной

в Оренбурге в течение двух месяцев после прихода Цвиллинга и Коростелёва к власти в январе 1918 года.

А, может, советские историки просто скрывали от нас невыгодную для себя половину исторической правды? А мы до сих пор учим своих детей по их субъективным учебникам, переизданным уже в девяностые годы двадцатого века. Учебникам, которым так трудно верить.

Я не историк. И не сожалею об этом. В ходе своих многочисленных журналистских расследований я привык действовать по системе Станиславского: проживать в предлагаемых обстоятельствах, предварительно досконально изучив все возможные и невозможные документы и версии. Со всех сторон.

Ведь если собрать и систематизировать информацию из разных, противоречащих друг другу источников, а потом ещё и побывать на месте происходивших событий, тогда прошлое вдруг открывается перед твоим мысленным взором ясно и чётко. Главное при этом — думать и действовать рационально, исходя из простейшей логики жизни. Тогда всё становится понятно.

Мой друг и коллега назвал эту выработанную мною систему «принципом сермяжной правды», предостерегая при этом — от эмоций, во власти которых в этом случае можно запросто оказаться. Наверное, можно.

в 1939 году Чкаловским книжным издательством, я прочитал о шести убитых женщинах и детях из числа 129 погибших.

А в очерках истории ВКП(б) в письме Центрального комитета партии оренбургским большевикам с соболезнованиями по поводу погибших красногвардейцев возникли новые цифры. Судя по ним, получалось, что из 130 бойцов, зарубленных 4 апреля, под казачью шашку попали, в том числе, только две женщины и один ребёнок — пятилетняя девочка.

По крайней мере, именно так в апреле 1918 года были проинформированы сотрудники центрального аппарата власти Советской России.

Женщины, вероятно, приехали навестить мужей и находились в казармах вместе со спящими красногвардейцами. И, вероятно, просто попали в общей неразберихе под слепой сабельный удар.

Конечно, и эти жертвы не могут быть оправданы с точки зрения нормального человека. Но ведь до сих пор никто из историков так и не удосужился выяснить, что довело оренбургских казаков до такой степени бешенства, при которой уже ни женщины, ни дети в расчёт не принимались.

Почему-то до недавних пор упрямо умалчивались и обстоятельства гибели 2 апреля 1918 года оренбургского губернского комиссара, 27-летнего Самуила Цвиллинга. Тем более никому в голову не приходило вспомнить, что творили красные

Тут приходится предупредить читателей, что какими бы источниками информации я ни пользовался, в результате всё-таки излагаю свою собственную версию происходивших событий. Где-то могу и ошибиться. И всё же, на мой взгляд, такой подход лучше исторической полуправды, честнее, что ли...

Попробовав посмотреть с этих позиций непредвзято и объективно на начало гражданской войны в богатой и сытой Оренбургской губернии, я пришёл к странным и неоднозначным выводам. Выводы подкреплялись архивными документами, научной литературой советской поры и книгами оренбургских эмигрантов, изданными в Харбине и Париже.

Но вот что самое удивительное, — мне удалось доказать самому себе, что к развязыванию гражданской войны в нашем крае оказывался практически непричастен атаман Оренбургского казачьего войска Александр Дутов. А ведь его именем в советское время было принято детей пугать.

И вообще, фигура атамана Дутова была настолько яркой и необычной, что я ему даже позавидовал. Взлёты до уровня генштаба и резкий уход в тихое преподавание провинциальным кадетам. Постоянное профессиональное самосовершенствование. Участие в боевых действиях на японском и германском фронтах. Большая семья и походная жена. Карьерный рост за один год от простого

командира полка до войскового атамана и уполномоченного в ранге министра временного правительства. Победы и поражения в гражданской войне, отступление в Китай, гибель при загадочных обстоятельствах...

Всё это требовало понимания и осмысления.

А после этого осмысления сам собой возникал вопрос, — где похоронен последний атаман Оренбургского казачьего войска? Для ответа на него стоило отправиться в неблизкое путешествие.

ПО ТОЙ ЖЕ КУЛЬДЖИНСКОЙ ДОРОГЕ

АВГУСТ 2007 ГОДА,
АЛМА-АТА, КАЗАХСТАН — КУЛЬДЖА, КНР

Автобус на Урумчи уходил в полночь от привокзальной площади Алма-Аты. Площадь была абсолютно пустынна, если не считать двух моих алма-атинских коллег, провожавших непутёвого оренбургского путешественника в соседний Китай.

— Смотри, местным не проговорись, зачем приехал, — инструктировали они. — Пытайся русских отыскать. Должны помочь. А главное, смотри, дальше Хоргоса на этом автобусе не умотай. Хотя, кто тебя дальше границы повезёт за твои двадцать долларов? Ни перед кем не раскланивайся и улыбаться старайся пореже. Китайцы ценят уверенных в себе, высокомерных, серьёзных. Обязательно торгуйся, цену сбивай вполтину. И не удивляйся

тому, что увидишь... Ну, вот, в автобусе, например. Он ведь тоже — китайский.

Не удивляться было сложно. Вместо привычных кресел в обыкновенном междугороднем автобусе располагались двухъярусные нары с высокими стенками. Каждый пассажир должен был ехать, лежа в своей ячейке, напоминавшей то ли металлическую люльку, то ли цинковый гроб. Сходство с последним дополняло то обстоятельство, что ехать следовало ногами вперёд. А ступни приходилось прятать в выемку, уходившую под голову переднего соседа.

— Кто ж так ездит?!..

— Наши казахстанские челноки, — улыбнулась старшая по группе. — Ничего, россиянин, за ночь выспишься, а утром уже на границе будем. Давай паспорт, вместе с нами пройдёшь без проблем. У тебя, кстати, нет медицинской книжки? Ну и хорошо, на границе купишь казахстанскую. Она всё равно одноразовая. Китайцы их после проверки сразу же выбрасывают.

Стараясь больше не задавать наводящих вопросов своим словоохотливым соседкам (автобус был заполнен по большей части женщинами), я забрался в верхнюю ячейку и в скрюченном состоянии забылся тревожным сном на мягком китайском матрасе.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66